

СМЕШНАЯ ДЕВЧОНКА

Более ста ролей в кино — цифра настолько внушительная, что сама по себе могла бы стать поводом для разговора с актрисой. А тут еще надвигается 1 апреля — день улыбок и розыгрышей, значит, и комедии. Когда же мы говорим: комедия, — то непременно подразумеваем и ее верную служительницу Наталью КРАЧКОВСКУЮ.

— Напомните читателям, как вы пришли в кино?

— Выросла в актерской семье. Моя мама Мария Зотовна Фониная была актрисой Камерного театра, воспитанницей Таирова. Отец — тоже актер — во время войны ушел на фронт и не вернулся. Судьба моя была решена с детства, я всем говорила, что буду артисткой, желательного опереточной дивой, хотя голоса — честно сказать — у меня никогда не было.

После школы подала заявление во ВГИК, но учиться так и не пришлось. В один из недобрых дней по дороге в институт меня сбила машина. Потеря зрения, больница. Так необычно началась моя актерская карьера. И хотя потом мне пришлось работать в институте лаборанткой, я знала, что когда-нибудь своего добьюсь.

Ходила на «Мосфильм», снималась в массовках. Там меня и заметил ассистент режиссера Владимира Павловича Басова, пригласил на кинопробы. Я, конечно, намазалась-накрасилась, а Басов, посмотрев и говорит: «Наденьте на нее враненский свитер, краску смойте и давайте ее в кадр». Так неожиданно меня утвердили на роль Верунки в картине «Битва в пути».

Потом была Клава в «Половодье», солдатка в «Русском сувенире», а затем я вышла замуж, родился сын, думала, что актрисой мне уже не стать.

— Вот те раз! Самая ваша знаменитая роль — мадам Грицацуева из «Двенадцати стульев» появилась позже. Да и сняться у Леонида Гайдая, фильмом которого обожают миллионы зрителей, мечтают многие. Неужели во всем виноват случай?

— Мой муж, звукооператор Владимир Васильевич Крачковский взял меня в экспедицию на съемки «Бриллиантовой руки». Там мы и познакомились с Леонидом Ивановичем Гайдаем. Когда он потом пригласил меня познакомиться на роль мадам Грицацуевой, я растерялась. А муж сказал: ничего, подойдешь. Пробовалась 19 раз. Утвердили. После спросила Гайдая, как он меня выбрал. Тот признался, что отдал мне эту роль уже со второго дубля, но все хотел посмотреть, на что я способна. А играли мы сцену обольщения, где Остап Бендер поет романс, страдает, а у меня нет ни одного слова.

Роль эта до сих пор моя любимая.

— Всегда ли вам так легко удается убеждать режиссеров, что сниматься должны вы?

— У меня ощущение, что все-таки легко. У меня есть свое лицо, я ни на кого не похожа. Считаю, что не надо стараться быть красивой, если этого не требует экран. Не боюсь выглядеть не только смешной, даже уродливой, хотя чисто по-женски это и не очень приятно. У меня есть еще и характер: при всем внешнем добродушии, я человек сильный. Если что-то решила, то обязательно постараюсь убедить режиссера, что так и нужно. Большой частью режиссеры моей работой были довольны, не обделена я и любовью зрителей.

— Случались ли конфликты на съемочной площадке?

— Были, даже с Гайдаем. О них я не буду говорить, потому что он — мой крестный отец.

Не так давно снималась у молодого режиссера, играла полюбившую женщину. «Вы должны разговаривать так, как будто у вас внутри сидит сто чертей», — говорит мне режиссер. Я спрашиваю: как это? «Брызги шампанского», что ли? «Да», — отвечает он, — как будто вы очень молоденькая». А сцена драматическая, когда от героини уходит муж. Почему я должна этому так радоваться, даже в комедии? Дело кончилось не просто скандалом, а слезами. Правда, не моими, а его. Я поставила его перед камерой и показала: «Сейчас я вас больно ударю по лицу и посмотрю, как вы после этого засмеетесь». Это одно и то же: у женщины рушится жизнь, почему здесь что-то надо выдумывать?

Мучились три дня. Предложила: сыграю так, как вижу я, а потом, как он. Экран покажет, где фальшь и вранье. Про себя думаю: «Я тебя, голубчик, научу, как снимать комедию. Это посерьезней любой трагедии». Отработали сцену, подошел режиссер и говорит: «Наталья Леонидовна, я — дурак». Дальше картина снималась спокойно.

— На концертах вы рассказываете, как, гонимая за Остапом Бендером, десяток раз прыгали на газетные пачки.

— У меня почти во всех фильмах есть сцены с трюками, которые я исполняю сама. Поэтому, что мне обычно говорят: на тебя дублершу найти нельзя. О самой страшной сцене я стараюсь не вспоминать. Это когда мадам Грицацуева билась в дверях. Вы же знаете, как у нас закрепляют стекла. Короче, стекла лопнули и посыпались на лицо. Боже милосердный, как испугался Гайдай. Закричал: «Глаза!» После всей этой беготни я была синяя, как лошади в яблоках.

А «Ералаш!»! Такого ужаса я никогда не испытывала. Режиссер говорит: «Мы репетировать не будем, ты же понимаешь, дети. Сейчас откроем двери, и они на тебя побегут. Снимаем один дубль». Я по роли разложила мороженое, и тут двери открылись. Режиссер им кричит: «Бегите, сбивайте ее!» Дети-то понимают все буквально. В общем, клок волос мне выпали.

Они такое могут вытворить, такое тебе устроить! Снимали «Маму», где я играла Медведицу. (Помните, там Люся Гурченко во время съемок сломала ногу, катаясь на коньках. На меня коньков не нашли. На меня, сказали, нужны не коньки, а лыжи. Словом, я лед портить не стала). А там работало много ребятшек, не только наших. Вот мой «медвежонок» ходил, потом как ткнет в бок девочку-француженку: «Ладно тебе, тоже мне «иносранка». Говори нормально». Толстенный такой.

Да и сейчас, в зашоре, то здесь ударишься во время съемки, то тут и не заметишь, а домой придешь: батюшки, это откуда? А это? Ладно! Переживу!

— Как вам удается сохранять оптимизм? Что помогает жить?

— Свойства характера. У меня было хорошее детство, меня окружали добрые люди. И я люблю людей, несмотря на все обиды.

У меня такой характер, что в любой трудной житейской ситуации говорю: могло быть и хуже. У меня нет трагедий по пустякам. Беда у человека одна, когда теряешь близких, но и это проходит. Я прошла в жизни через многое: тяжело болела, рано похоронила мужа. Но у меня правило: не надо свои горести выносить людям. Беда — разберись сама, радостью поделись с окружающими. И еще стараюсь принимать людей такими, какие есть, не переделывать их, хотя не всегда получается.

Сейчас все увлекаются экстрасенсами, биополем. Не знаю, какого оно у меня цвета, но точно не черное. Оттого вокруг меня и люди хорошие.

— Сын в вас? Чем занимается?

— Рос он трудно, он ведь у меня правосердечный. Закончил школу, пошел на студию, прирос к работе отца. Потом окончил ЛИКИ, сейчас работает звуко-режиссером. То, что у парня золотые руки, заслуга мужа. Мне ведь и уроки приходилось проверять по телефону. Обычно, спрашивали его: «Вась, где твоя мама?» А он отвечал: «В кандидовке».

— Вы никогда не пытались изменить внешность, похудеть?

— Пробовала, ничего не получилось. Голодала... от завтрака до обеда. Ведь если не есть, то не надо готовить. А в доме два мужика. Вечером муж спрашивает: «Мы есть-то будем?» «Там, на кухне», — отвечаю сквозь зубы. Утром встаю, настроен!

Муж уже ничего не спрашивает. К вечеру у меня уже такое состояние, что сын интересуется: «Мам, ты когда в командировку уедешь?» Двое суток выдерживаю, к концу третьих ненавижу всех, себя в первую очередь. Ночью тихо подхожу к холодильнику, открываю дверь и... съедаю все. Счастливая ложусь спать. Иногда слышу голос мужа: «Ну, слава Богу, поела». И тихий хохот сына.

— На всех кинотусовках вас окружают мужчины-поклонники. В чем секрет вашего обаяния?

— Во-первых, я не стараюсь в мужчинах сразу видеть глупцов. Во-вторых, как бы я себя ни чувствовала, всегда кокетничаю. Не боюсь своего имиджа. Мне как-то сказал один мой поклонник, что я — сто килограммов мечты. Ах, так! Ну, держитесь, мужики!

Я не комплекую, не рисуюсь, не стараюсь казаться худей, чем я есть на самом деле, умею болтать. Дамам, которые меня окружают, говорю: не ловите мужиков, придут сами. Ручки-то распустите, они сами прилетят, как мотыльки. Они же... глупее нас, это точно. Когда мужчина чувствует, что женщине от него ничего не нужно, это ему удобно, легко и приятно. Почему же ему с ней не видится? А уж дальше, куда кривая выведет.

— Мне очень понравилось ваше платье, в котором вы выступали на закрытии «Киношока». Как вы одеваетесь, какие фасоны и оттенки предпочитаете, что стараетесь в себе подчеркивать, а что скрывать?

— К сожалению, в наше время нашим актрисам приходится надевать то, что они себе достают. Я не составляю особого исключения. Никогда не одевалась в модных домах, хотя на туалеты от Зайцева или Юдашкина смотрю с завистью. Но судьба меня с ними не сводила, и теперь уж точно не сведет, потому что их платья сегодня по цене самолета.

Мне всегда приходилось думать самой. Но я прежде всего женщина, поэтому люблю бантики, рюшечки, летящие спокойные силуэты, не бьющие в глаза тона, словом, чтобы кругом шестнадцать. Мне обидно за актрис, которые уродуют себя пусть острожными, но чудовищно неженственными туалетами. И ноги не очень ровные, и

не семнадцать лет, а она выходит в мини. Не понимаю.

— За творчеством каких актеров вы следите? Какие фильмы смотрите?

— Кланяюсь в пояс Нонне Мордюковой: она гений, ей можно простить все. Если бы я могла сделать сотую долю того, что делает она, я была бы счастливым человеком. Но каждому свое. Люблю Нину Русланову — есть в ней трепет, Ию Саввину, Вячеслава Невинного — очаровательный «шкаф», Николая Караченцова. Недавно видела последнюю работу Гайдая, смеялась от души, мне было хорошо.

— В жизни все меньше поводов для смеха. Как вам кажется, выживет ли в этих условиях комедия как жанр?

— Только она и выживет. Человеку надо отдыхать, смеяться. «Чернуха» не выживет, потому что жизнь невеселая, что ж лишний раз людям мозги-то чернотой забивать? Поэтому, наверное, мы с такой любовью и тоской смотрим сегодня старые картины — пусть наивные, но трогательные. Я первой пойду на мелодраму, мне этого не хватает. А музыкальный фильм?

Поем же мы, собираемся, ходим друг к другу в гости. Нас не отучит от хлебосольства, несмотря на то, что все безумно дорого. В доме одна картошка, а мы наварим много и на стол поставим. Хватит кормить людей чем попало, нам конфетку хочется.

— Какую «конфетку» вы приготовили своим зрителям?

— Снялась в кинокомедии «Русское сафари», где моим партнером был Савелий Крамаров. Кстати, была у нас сцена в бассейне, где он не захотел плавать, потребовал дублера. «Чего ты боишься», — говорю, — вода-то теплая». А он ни в какую, так мы его и не уговорили, но в бассейн я его все-таки столкнула.

Сейчас начинаю сниматься в продолжении. Кстати, режиссер — удивительный комедийный актер — Михаил Кокшенов. Остроумнее человека вы не встретите — это «брызги шампанского». В первой серии за мной ухаживал дед Вася — Крамаров. Во второй — моего мужа будет играть Семен Фарада. Я поменяла мужчин.

— Хорошо ли оплачивается ваша работа?

— Когда как. Мне сложно, это ведь все прокормить надо. Прилично заработал, в моем понятии, это когда отснялся в фильме и год можешь спокойно жить. А у нас получил за главную роль 20 тысяч, а назавтра они превратились в 200 рублей. Так что пускай платят в валюту.

— Вы довольны своей судьбой?

— Нет, нет и еще раз нет. Ко мне относятся, как к веселому пустячку. А я никогда не забуду Лёну Маркова, который сказал однажды: «Господи, что же режиссеры твоих глаз не видят?» А ему можно было верить.

Но у режиссеров есть свой стереотип героинь — худая, высокая, тонкая-звонкая. А на меня надо было писать сценарий. Разве у нас мало таких женщин, как я? И они тоже жить хотят — и страдать, и ненавидеть, и изменять мужу. Мужчины только на словах предпочитают худых, а влюбляются в полных. Да с таким удовольствием! Это я на себе проверила.

Беседу вела
Марина ПОРК.

● Кадр из фильма «Русское сафари».

Фото Игоря Гневашева.